

Новые архивные материалы позволяют восстановить всю картину бунта русских студентов, как он протекал в действительности: 25 июня 1767 года двое студентов, Трубецкой и Несвижский, пришли к Бокуму и от имени всех студентов заявили, что они не желают больше слушать лекции профессора Беме по истории, так как якобы не понимают его из-за плохого знания немецкого языка. Этот аргумент, несомненно, был простой отговоркой, а на самом деле их не удовлетворяло содержание лекций.

Студенты и в дальнейшем неоднократно отказывались слушать лекции Беме — в 1769 и 1771 годах, т. е. и тогда, когда они уже вполне овладели языком.

Вместо лекций Беме они стали без разрешения Бокума, тайно от него, посещать лекции о морали на французском языке у профессора Шмидта. Узнав об этом, Бокум, однако, не пошел навстречу желанию студентов, но сначала прочел им длинную нотацию, а затем, увидев, что вместо должного впечатления она вызвала взрыв возмущения, посадил одного из них (князя Трубецкого) под арест. Так начался бунт. Как видим, причина, вызвавшая его, — нежелание студентов слушать лекции реакционного профессора.

Казалось бы, вопрос о характере лекций Беме и Шмидта естественно должен был бы встать перед исследователем. Однако о лекциях этих профессоров ровно ничего в книге не говорится. Вместо того чтобы попытаться выяснить, какова, например, личность профессора Шмидта, что он читал, почему именно его лекции хотели слушать русские студенты, А. И. Старцев ограничивается лишь кратким пояснением, что, очевидно, это был экстраординарный профессор философского факультета Христиан Фридрих Шмидт (стр. 159), не приводя никаких этому доказательств. Не находим мы исчерпывающего ответа на этот вопрос и в книге Г. П. Макогоненко, так как нельзя с твердым убеждением сказать, что и тот, другой профессор Шмидт (немецкий публицист, автор книг, вдохновленных просветительской идеологией), о котором говорится у него, как раз и является именно тем самым профессором Шмидтом, чьи лекции о морали слушали студенты. Так что в этом вопросе в настоящее время пока нет полной ясности.

В непосредственной связи с тезисом А. И. Старцева, стремящегося доказать, что Радищеву нечему было учиться в Лейпциге, находится отбор материала. В результате получается, что книга, носящая название «Университетские годы Радищева», освещает далеко не все вопросы, возникающие при изучении лейпцигского периода в жизни русских студентов, хотя материал,